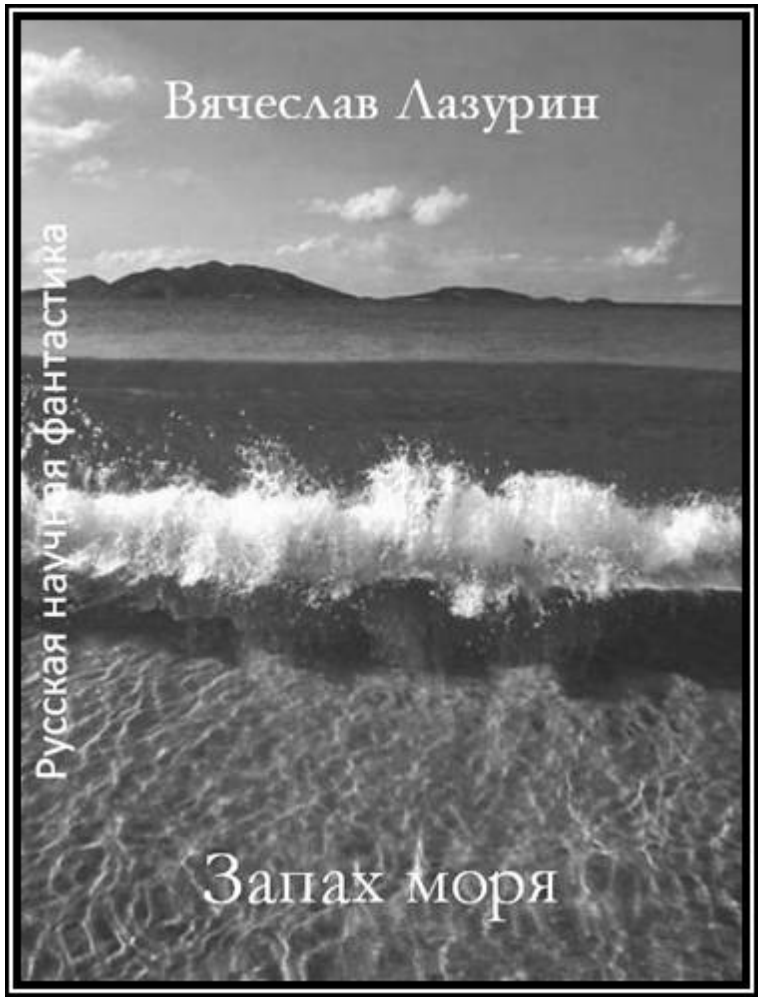
Вячеслав Лазурин - Запах моря

Вячеслав Вячеславович Лазурин

SHOUT
SHARE
IT

•



Солнце погасло. Это случилось, как только Креог вынул из виска третий, длинный как палец, стержень. Первые два биомеханических штифта уже лежали в кармане ученого, сидящего на берегу моря.

Креог не торопился. Медленно извлекая стержни, он с трепетом ощущал, как менялось его зрение. Берег терял очертания, сливался с морскими контурами в единую плоскость, разбитую координатной сеткой. Калейдоскоп привычных красок тускнел, растворяясь в извечной черноте. От этих перемен у Креога замирало сердце… Последним, что он увидел перед возвращением в мир тьмы, была бледная точка солнца. Но и она, сложив веер тусклых лучей, исчезла. Оставила ученого наедине с пьянящим морским запахом и шумом прибоя.

Креог не жалел, что сбежал от врачей. Он всегда стремился

уйти, не слышать их, пропитанный фальшью, ласковый шепот. Не чувствовать их взгляд, от которого веяло холодом кромсающей плоть острой стали. Только мало где можно было спастись от внимания медиков – редкого сочетания заботы и садизма. Лишь здесь, на берегу заповедного острова, беглец никогда не боялся снять окулярную маску. И позволить прохладному воздуху ласкать сросшиеся веки.

Но сегодня все иначе.

Ученый глубоко вдохнул, чувствуя, как прохладный бриз прогоняет с лица капельки пота. Оставалось вытащить четвертый, последний стержень. Левая рука дрогнула, словно от электрического разряда, как только пальцы коснулись металлического наконечника. Правая ладонь судорожно вжалась в горячий песок, а зубы свело болью от скрипучего звука. Медленно, нехотя, штифт вышел наружу.

В переносице что-то щелкнуло, неприятно отдаваясь в висках. Чмокнули, размыкаясь, крепежи окулярной маски и Креог еле успел поймать ее, зажав между коленей.

Врачи не солгали. Он прозрел.

Веки раскрылись легко и естественно. Правый кулак разжался, выпустив на свободу окровавленный песок с острым осколком ракушки. И прозревший увидел настоящий мир…

Руки метнулись к глазам, заслоняя их от чужого, враждебного солнца, в лучах которого не крылось ничего, кроме угрозы. Сулящей изжечь глаза, наказать ничтожного человека за дерзость, стремление познать правду. Сквозь пальцы, суженными зрачками, он попытался отыскать спасительную синеву моря, запах которого так любил. Но увидел только беспощадные водные блики. В их ослепительном сиянии тонул даже горизонт, придавленный глыбой раскаленного неба.

Со стоном, рвущим горло, Креог упал на песок, в поисках утешения. Вымаливая его у блеклого золота песчаного пляжа. Но и здесь отчаянье не отпустило душу. Бедняга заморгал, чувствуя, как угодившие под веки крупицы раздражают глаза.

Ученый медленно поднялся и побрел прочь от моря, бросив маску на песке. Ему хотелось убраться, спрятаться там, где темно, спокойно. Впереди шла его тень – вечная спутница, которую он видел впервые. Сквозь плавающие перед взором цветные пятна выступили очертания флаера, на котором беглец прилетел сюда. Высокое положение в обществе позволяло ему пользоваться личным транспортом без опознавательного номера. Пограничные посты не смели останавливать человека, в который раз прибывшего на остров в поиске покоя.

Еще недавно, глядя на флаер, Креог мог разгадать любой его

секрет, увидеть все вплоть до кристаллических решеток металлической обшивки. Однако теперь… Перед зрячим не было ничего, кроме серого, безликого корпуса. И коснувшись его дрожащими пальцами, ученый вдруг понял, что такое настоящая слепота.

Ведь став находкой для исследователей, рожденный без глаз получил возможность видеть мир, как никто другой, познать все его тайны. Но между разъемами для стержней поместилось клеймо неполноценного.

Инвалид. Его жалели и боялись. Многие им восхищались, но под его взором мало кому было уютно. Одиночество стало единственным товарищем выродка с глазами машины.

Скорчив губы от омерзения, Креог остановился и дотронулся до лица. Пальцы прошлись по бороздам операционных шрамов, вдоль вставок биотехнической стали, замерли на электрических разъемах. Только огрубелая кожа не ощутила ни касания ладоней, ни их тепла. Она казалась такой же мертвой, как и вросший в нее металл. Еще никогда так не хотелось спрятать больную плоть под надежную защиту маски…

Креог сел в тени корабля и вынул из кармана комбинезона позолоченный портсигар с гравировкой научного центра, которую раньше чувствовал лишь пальцами. Достав последнюю сигарету, ученый привычно стукнул ею о почерневший ноготь. Вспыхнула, чихнув искрами, красная точка, и веки испуганно дернулись, почуяв опасность.

После первой же затяжки, когти едкого дыма безжалостно впились в глаза. Сплюнув, Креог яростно вышвырнул окурок и раздавил его ударом ботинка. Развеялся дым, успокоились веки, но злость только еще больше закипела. Схватив двумя пальцами, ученый попытался вырвать один из разъемов. Заныли, будто гнилые зубы, стальные крепежи в висках. Под кожей что-то треснуло, надломилось и раскаленное сверло боли, раздробив скулу, врезалось в мозг. Креог терпел, продолжая тянуть, дрожа от напряжения. Но металлический паразит крепко держался за череп, не собираясь сдаваться. Упав на бок, несчастный закричал и выпустил разъем, брызнувший кровью.

Прозревший ошарашено поднялся и обошел вокруг флаера, рассеянно глядя под ноги. Берег шатался, и ученый то и дело опирался о корпус аппарата.

Внезапно Креог едва не споткнулся, ощутив странную влагу на ресницах. Он достал платок, которым раньше протирал окуляры маски, и попытался остановить смывавшие кровь капли. Соленые, как морские брызги.

Поворачивая ключ в замке воспоминаний, ученый снова

услышал детский гомон интерната для слепых. Маленького Креога выбрали из-за непропорционально большой головы и звуки приюта сменились шорохом медицинских халатов, наполненным запахами химии. Словно каплями кислоты, жалила память о месяцах, проведенных в физрастворе, пока металл и плоть сплетались вместе. Затем были тысячи щупалец, обвивавших мозг, и тысячи игл, вонзаемых в лицо.

Через тридцать лет он вернулся к докторам состоятельным ученым и снова лег под луч лазерного скальпеля. Вернулся, ради настоящих глаз…

Берег выскочил из-под ног, и Креог покатился по песку, теряя остатки сомнений. Он понял свою ошибку. Тошнота сдавила глотку стальной клешней, а по вискам застучали молоточки, бьющие прямо по оголенным нервам. Кроту не дано смотреть на мир глазами человека. Осознание этой истины потрясло Креога, как невиновного – смертный приговор.

Падая и снова подымаясь, он добрался до брошенной маски. Мозг разрывало беспощадными когтями от избытка света и красок. Он требовал привычного, мирного полумрака. Дрожащими пальцами Креог смахнул с окулярного прибора песок. Стержни вернулись на свои места, и солнце тут же погасло. Но лишь затем, чтобы через несколько мгновений вернуться бледной точкой, такой знакомой и привычной.

Креог опустился на спину, чувствуя, как боль отпускает мозг. Перепачканные кровью и песком губы растянулись в счастливой улыбке. Ведь мир вернулся к прежнему состоянию. Солнце может гаснуть и загораться вновь. Берег – распадаться на молекулы и собираться воедино. Даже ревущий прибой со временем способен притихнуть, сменившись спокойным плеском. И только пьянящий морской запах навсегда останется неизменным.

Вячеслав Лазурин

Февраль 2011